

«Я росла рядом с мужчинами, которые очень высоко подняли планку. Так получилось, что отец и брат слепили для меня образ идеального мужчины».

— И

лзе, я столько дней общалась с вашим автоответчиком, что невольно возникает вопрос о вашем режиме дня.

— У меня не то чтобы сложный режим дня, просто сложный режим жизни вообще. Моя жизнь строится от одного события к другому. И если до ответственного спектакля или важного концерта остается всего месяц, то все это время безоговорочно подчиняется одному дню. Есть большая тетрадь, где я записываю все свои дела. И если почему-то пропускаю один пункт, сразу летят все остальные. Но каждое утро, несмотря ни на что, начинается с балетного класса. А дальше очень помогает машина. Без нее вообще трудно было бы куда-то успеть.

— Вы сами водите?

— Да, конечно. Это необходимость. Ведь нужно изловчиться и успеть согласовать репетиции с делами, которые друг с другом вечно конфликтуют.

— В этой суете вы с машиной дружите или воюете?

— Я машину обожаю. Мне кажется, я принадлежу к тому типу водителей, которые становятся единым целым с машиной. И хотя я человек очень резкой манеры вождения, мы с машиной друг другу взаимно доверяем.

— А с людьми конфликтуете?

— Я всегда очень себя ругаю, если это происходит. Во всех щекотливых ситуациях, начиная от гримера и костюмера и заканчивая близкими людьми, стараюсь сохранять хотя бы видимое спокойствие. Но в силу темперамента и характера иногда срываюсь. Потом мучаюсь.

— Илзе, вы — часть клана, имя которому Лиэпа. Меняются ли у вас с годами взаимоотношения с собственной фамилией?

— Безусловно. Когда мы с Андрисом были маленькими, конечно, для нас это было большой проблемой. На детей Мариса Лиэпы смотрели с удвоенным вниманием, с удвоенной придирчивостью. А потом, когда вступили в период зрелости, оказалось, что у нас потрясающее преимущество перед другими — у нас есть имя, которое обычно люди зарабатывают в искусстве годами. Нам же нужно только носить его достойно.

— Когда вы сейчас видите у станка маленькую девочку, какие мысли вас посещают: «Бедная, она еще не знает, что ее ждет» или «Господи, какая счастливая, она даже не может представить, что ее ждет»?

— Ой, это всегда знак вопроса и уравнение с пятью неизвестными. С этой девочкой быть может все что угодно. Мало того, что в нашей профессии должны быть одержимые дети. Еще должны быть фанатичные родители, которые заставят эту девочку пережить определенный период и дождаться того момента, когда ежедневное преодоление себя станет удовольствием.

— Можете вспомнить свое первое выступление на сцене?

— Я на сцену вышла раньше, чем начала заниматься балетом. В пять лет я была сыном Чию-Сан в одноименной опере в Большом. А потом был дебют в роли балерины уже в школьные годы. Хорошо помню, как мы с Андрисом танцевали «Вальс цветов» в балете «Спящая красавица». Нас поставили в одну пару последними, потому что мы были самыми высокими.

Там был такой момент — мальчик перебрасывает гирлянды, а девочка должна их поймать. Упорный Андрис все время заставлял меня репетировать. Он нашел длинный полосатый шарф, и мы учились этот шарф бросать и ловить. Естественно, отец фотографировал все наши выступления из-за кулис. Остались фотографии, где мы такие страшненькие, толстенькие.

— Вы родились в уютном московском особняке в самом центре современного мегаполиса?

— Я въехала в эту квартиру, если можно так сказать, в животе моей матери. Здесь прошла вся моя жизнь. И стены, которые теперь немного обветшали, помнят все.

— А кто ваша мать?

— Своим именем я обязана моей маме. Когда мои родители познакомились, мама снималась в главной роли на Рижской киностудии в фильме, который назывался «Илзе». Она была актрисой Театра им. Пушкина, и я так же ходила на ее спектакли и знала их наизусть, как и спектакли

ЛИЭПА

отца. Сейчас мама уже оставила сцену, но остается красивой, очаровательной женщиной с твердым характером. (Зрители старшего поколения, возможно, помнят Маргариту Жигуну в фильме «Жестокость». — Ред.).

— **Илзе, расскажите, как складываются ваши взаимоотношения с братом?**

— Любовно. Я даже помню точно с какого возраста, с 13-ти лет, когда закончилась наша война...

— **А до этого враждовали?**

— Страшно. Даже не знаю, как мы остались живы и здоровы. Потом повзрослели, и так вышло, что Андрис стал по жизни моим руководителем и воспитателем.

— **Можете ли вы вспомнить первую любовь?**

— В детстве я долгое время была влюблена в американского актера Ричарда Бартон. И делилась этими переживаниями с моим отцом. Кстати, отец отвозил меня на машине на мое первое свидание — в Политехнический музей. Поклонник пригласил меня на лекцию о насекомых. От той встречи и лекции в памяти осталась только фотография скорпиона, наверное, потому, что я по знаку — Скорпион.

— **А если продолжить этот ряд и сказать: «Мужчины в жизни Илзе Лиепе»?**

— Мне трудно в жизни делать выбор. Я росла рядом с мужчинами, которые очень высоко подняли планку. Так получилось, что отец и брат слепили для меня образ идеального мужчины. Когда я за границей рассматриваю мужские витрины, я себе задаю вопрос — почему мне нравятся эти ботинки, а не другие? И отвечаю себе — такого стиля ботинки носил мой отец. Помню, как однажды мы собирались с отцом на званый ужин, а жили мы в разных квартирах, и он мне звонил, интересовался: какое платье я надену? Я ответила, что еще не решила — красное или бежевое. А отец попросил выбрать быстрее, потому что если я надену красное платье, он наденет черный костюм, а если бежевое — бежевый костюм. А в духовном смысле, конечно, видя рядом своего брата, его отношение к жизни, его отношение к отношениям, тоже стараюсь не снижать планку.

— **Есть ли в вашем представлении образ семьи, которую вам хотелось бы иметь?**

— Семья — это обоюдное самоотречение. Не тогда, когда один жертвует всем ради другого, а когда люди добровольно уходят в «монастырь» семьи, заточаясь в нем едиными друзьями, едиными проблемами, детьми.

— **Вы готовы к тому, чтобы уйти в этот «монастырь»?**

— Хотела сказать, что к этому каждый готов, потом передумала. Да, я готова.

— **И могли бы бросить профессию?**

— Мы же говорим об обоюдном самоотречении. И если человек ради меня жертвует всем, и если есть любовь, и все это ради любви, тогда уровень ценностей сразу меняется. Тогда как-то естественно становится, что главное — дети, а не работа.

— **Есть какой-нибудь вопрос, который вам никогда не задают журналисты, а ответить хотелось бы?**

— Про мою кошку не спрашивают.

— **Замечательно. Теперь спрашиваю, хотя я уже поняла, что его или ее зовут Вася.**

— Да, ее зовут Вася. Полное имя — Екатерина Васильевна Гельцер, в честь великой русской балерины, которая раньше жила в этой квартире. Вася однажды вошла в нашу квартиру и осталась здесь жить.

— **Илзе, вы можете назвать себя счастливой?**

— Не знаю. Чаще всего ощущение счастья возникает как постскриптум. Только потом осознается, что это было очень счастливое время. Мне кажется, более ценно состояние равности, чем состояние взлетов и падений. Конечно, приятно парить, но я могу пожертвовать взлетами так же, как и падениями, ради душевного мира, покоя и внутренней гармонии.

— **А что такое слава?**

— Это имя. Мужское. И все.

Оксана Шапарова

